

ствии и заключаются в порядке и объеме исследования собранных по делу доказательств. Поэтому если подсудимый изъявит желание перейти от общей процедуры к упрощенной во время подготовительной части судебного заседания и суд, согласившись с ним, примет такое решение, то продолжение рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства возможно без вреда для уголовного правосудия. Негативные последствия такого решения усматриваются лишь в вызове в суд свидетелей, специалистов и экспертов, участие в судебном разбирательстве которых не потребуется, но их тяжесть смягчается тем, что на практике многие из указанных участников уголовного процесса, как правило, не являются по вызову на первое судебное заседание. В остальном же введение такой процедуры предоставит существенные преимущества для судопроизводства: упрощается процедура, сокращаются сроки, гарантируется смягчение уголовно-правовых последствий. Не будет нарушено и право подсудимого и защиту, поскольку ему была предоставлена возможность подготовиться к полноценному судебному разбирательству, а фактически сложность процесса снижается.

УДК 343.263

Е.Е. Босак, Н.Г. Абрамова, А.В. Осколков

О ПРИМЕНЕНИИ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Международные стандарты рекомендуют имплементацию правовых норм, касающихся недопущения чрезмерно частого избрания мер пресечения, изолирующих обвиняемых (подозреваемых) от общества. В целях обеспечения реализации европейских стандартов и более гуманного отношения к обвиняемым (подозреваемым) в 2018 г. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закреплена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Для обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) по вызовам в органы предварительного расследования и недопущения препятствования им производству по уголовному делу права и свободы такого лица ограничиваются, однако без его изоляции в жилом помещении, что является ключевым отличием новой меры пресечения от ранее действовавших принудительных мер в уголовном процессе России.

В апреле – декабре 2018 г. в России судами было удовлетворено 301 ходатайство об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, за 2019 г. – 1246 аналогичных ходатайств [1].

Учеными и практиками, анализировавшими трехлетний опыт применения новой меры пресечения, выявлен ряд не устраненных до настоящего времени противоречий и проблем.

Вместе с введением статьи о запрете определенных действий в уголовно-процессуальный закон ст. 106 УПК РФ дополнена ч. 8.1, в которой законодатель предусмотрел возможность применения отдельных запретов одновременно с другими мерами пресечения (залогом и домашним арестом). Однако это нововведение противоречит норме ч. 1 ст. 97 УПК РФ, гарантирующей обвиняемому (подозреваемому) применение только одной из мер пресечения, предусмотренных законом. Такая ситуация категорически не согласуется с принципом альтернативности избрания мер пресечения [2, с. 109]. В качестве предложения, направленного на устранения данного противоречия, К.А. Дзалба предлагает исключить из ч. 1 ст. 97 УПК РФ норму о возможности избрания лишь одной меры пресечения [3]. По нашему мнению, исключение указанной нормы будет направлено на ужесточение ограничений в отношении обвиняемого (подозреваемого). Полагаем, что система мер пресечения достаточна для того, чтобы обеспечить законный выбор одной из процессуально-принудительных мер, не нарушая действующие нормы.

Запрет определенных действий содержит шесть видов, изучение которых позволило выявить следующие аналогии. Четыре из шести запретов (п. 1, 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) представляют собой бывшие ограничения и (или) запреты, применявшиеся при домашнем аресте. Другие два запрета (п. 2 и 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) содержательно напоминают виды наказания, предусмотренные ст. 47 и 53 УК РФ. Следовательно, запреты, установленные этой мерой пресечения, не совсем новы. Несмотря на это, уголовно-процессуальный закон не устанавливает сроков применения запретов-«наказаний» [4, с. 40], что без установленных законом временных рамок бесконечно ограничивает права обвиняемого (подозреваемого).

В настоящее время в нормах ст. 105.1 УПК РФ отсутствует правило о зачете времени исполнения запрета на выход из жилого помещения в срок заключения под стражу и в срок наказания. Запрет этого действия по своему содержанию сходен с домашним арестом, поэтому полагаем оправданной необходимость урегулировать механизм зачета срока данного запрета по аналогии с соответствующим механизмом зачета срока домашнего ареста (в части, касающейся выхода из жилого помещения). Следовательно, учитывая требования п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, один день запрета на выход из жилого помещения необходимо засчитывать из расчета за один день домашнего ареста, а два дня действия такого запрета – за один день содержания под стражей [5, с. 48].

Следует отметить, что данной нормой ограничивается конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренное ст. 48 Конституции Российской Федерации. По нашему мнению, необходимо внести дополнение в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ с указанием в норме на защитника как на лицо, в общении с которым обвиняемый (подозреваемый) не может быть ограничен в праве использования телефонной связи. Таким же образом предполагается урегулировать действующий по умолчанию запрет на телефонный звонок близким родственникам подконтрольного лица (например, престарелым родителям в целях выяснения их самочувствия, несовершеннолетним детям в целях контроля их нахождения в момент обучения и после и т. п.) [6, с. 144].

Отмечая существование проблемы эффективного контроля за соблюдением запретов обвиняемым (подозреваемым) на контакты с определенными лицами, считаем, что только применение аудиовизуального устройства, установленного по месту жительства обвиняемого (подозреваемого), обеспечит возможность доподлинно проконтролировать исполнение ограничений [7, с. 31]. При этом, как выяснилось в ходе практического применения такого устройства, возникает проблема соблюдения прав лиц, проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым), которому избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий. Лица, не являющиеся участниками уголовного процесса, категорично высказываются о своей неготовности размещать в своем жилище контролирующие устройства, обосновывая свой отказ в том числе возросшим размером оплаты электроэнергии за их использование [8, с. 76].

В целях обеспечения эффективного контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций за обвиняемым (подозреваемым), в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотрено применение оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Данная система призвана оказывать профилактическое действие на обвиняемого (подозреваемого), предостерегая его от совершения новых преступлений и правонарушений, а также от нарушения им обязательств, предусмотренных условиями меры пресечения.

В научной литературе встречаются высказывания о том, что новая мера пресечения была призвана обеспечить достойную альтернативу заключению под стражу. Применение мер пресечения к обвиняемому (подозреваемому) обусловлено необходимостью достижения определенных целей. Однако запреты, предусмотренные в ст. 105.1 УПК РФ, не гарантируют достижение целей мер пресечения [9, с. 77].

Несмотря на функционирование системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, в настоящее время уголовно-исполнительные ин-

спекции лишены достаточного количества организационно-технических ресурсов для осуществления надлежащего эффективного контроля за лицами, которым запрещены определенные действия в качестве мер пресечения [10, с. 368].

Следовательно, до тех пор, пока у ФСИН России не будет 100%-й технической возможности осуществлять контроль за обвиняемым (подозреваемым), цели меры пресечения в виде запрета определенных действий в полном объеме не могут быть достигнуты.

Таким образом, полагаем, что при обосновании перед судом необходимости избрания того или иного запрета определенных действий следователю (дознавателю) в ходе расследования по уголовному делу рационально в полном объеме исследовать личность обвиняемого (подозреваемого). По нашему мнению, допустимо рекомендовать обязательное установление сведений об условиях проживания лица, наличии (отсутствии) семьи, круге общения, социальном статусе в обществе, трудоустройстве и его вероятном должностном положении, праве пользования и наличии (отсутствии) транспортного средства, а также средств мобильной связи и сети Интернет. Представление суду установленных органами предварительного расследования вышеуказанных обстоятельств будет способствовать принятию им наиболее оправданного решения при выборе одного или нескольких запретов определенных действий как меры пресечения при рассмотрении соответствующего ходатайства.

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.09.2020).

2. Сафаров В.Р., Муратшина А.Т., Сафиуллина Р.Р. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Пениitenciарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 2–4 апр. 2020 г. / Перм. ин-т ФСИН России ; сост. В.А. Овченков. Пермь, 2020. С. 109–110.

3. Дзалба К.А. Запрет определенных действий – как мера пресечения в уголовном процессе России // Центр. науч. вестн. 2020. Т. 5, № 11. С. 5–7.

4. Саденова А.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения: теоретические и практические аспекты // Юрид. факт. 2020. № 83. С. 37–41.

5. Абрамова Н.Г., Джангирян М.Э. К вопросу о мере пресечения в виде домашнего ареста: современное состояние // Восточ.-Европ. науч. журн. 2020. Т. 1, вып. 58. С. 47–49.

6. Осколков А.В. Процессуальные особенности назначения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования

уголовно-исполнительной системы : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф., Псков, 18 окт. 2019 г. / Псков. фил. Акад. ФСИН России. Псков, 2019. С. 141–145.

7. Босак Е.Е. Об исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : сб. материалы межвуз. науч.-практ. конф., Псков, 18 окт. 2019 г. / Псков. фил. Акад. ФСИН России. Псков, 2019. С. 29–35.

8. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации // Уголов.-исполн. право. 2020. Т. 15, № 1. С. 75–78.

9. Гришин А.В., Чувальникова В.И. Запрет определенных действий как мера пресечения, избираемая по судебному решению // Науч. вестн. Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 72–79.

10. Босак Е.Е., Осолков А.В. Запрет определенных действий: проблемы применения // Борьба с преступностью: теория и практика : сб. тез. докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 апр. 2020 г.) / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др]. Могилев, 2020. С. 367–369.

УДК 343.132

Е.В. Бошукова

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Существенное значение в достижении целей раскрытия преступления имеет профессиональный и грамотный подход к проведению следственного эксперимента. Основанием проведения следственного эксперимента является наличие достаточных данных полагать, что в ходе проведения опытных действий могут быть проверены, уточнены и выяснены обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Для правильного и эффективного проведения следственного эксперимента необходимо доскональное изучение уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе провести следственный эксперимент путем воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность

восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность произошедшего события и механизм образования следов.

Уголовно-процессуальный закон определяет право проведения следственного эксперимента не только за следователем, но и за судом. Согласно ст. 341 УПК следственный эксперимент проводится судом с участием сторон, а при необходимости – и с участием свидетелей, эксперта и специалиста с соблюдением правил, предусмотренных ст. 207 УПК.

Следует отметить, что следственный эксперимент используется при расследовании преступлений нечасто, так как для его проведения необходимо привлечение определенных материальных и технических средств, а также значительного количества участников. В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК в случае необходимости к участию в следственном эксперименте могут привлекаться подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, специалист, эксперт и лица, проводящие опытные действия с их согласия. Участникам следственного эксперимента разъясняются его цели и порядок проведения.

На практике при толковании ст. 207 УПК возникают проблемные ситуации: проведение следственного эксперимента часто сводится к воспроизведению действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а не к экспериментальному исследованию подобных действий, обстановки, обстоятельств конкретного события, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Ошибки и неточности при проведении следственного эксперимента возникают из-за отсутствия в уголовно-процессуальном законе точного перечня обязательных действий, которые необходимо выполнить при организации и проведении следственного эксперимента, а также перечня обязательных документов по итогам проведения данного следственного действия.

Таким образом, следователь подготавливает и проводит следственный эксперимент по своему усмотрению, так как отсутствует точная регламентация действий следователя. Кроме того, при проведении следственного эксперимента следователь пользуется правами, предусмотренными общими нормами уголовно-процессуального закона, но права и обязанности других участников следственного эксперимента определены недостаточно четко. Следовательно, в уголовно-процессуальном законе необходимо указать обязательные действия следователя при подготовке и проведении следственного эксперимента, так как от этого будет зависеть результат следственного эксперимента, а также безопасность участников и соблюдение их прав.